

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.С. Айвазян*

ДИСКУРС О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ЕВРОПЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ ЕС И СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Европы Российской академии наук»
125009, Москва, Моховая ул., 11-3*

Концепция нормативной силы утверждает приоритет ценностей над политическими интересами и обозначает способность субъектов международных отношений формировать глобальные нормы поведения на мировой арене и побуждать других акторов следовать им во внешней и внутренней политике. Традиционно одним из главных носителей нормативной силы считался Европейский союз, однако пересмотр Европейской политики соседства в 2015 г. изменил повестку взаимодействия ЕС со странами-партнерами, усилив прагматическую сторону. В этом отношении пример Южного Кавказа представляет особый исследовательский интерес в силу наглядности того, каким образом три страны одного региона, по-разному восприняв повестку партнерства с Брюсселем, пришли к различным форматам сотрудничества, несмотря на изначально схожие стартовые условия. В статье сопоставлены нарративы о принадлежности к Европе в публичных заявлениях официальных представителей Армении, Грузии и Азербайджана. С одной стороны, подобный подход позволил показать, каким образом перечисленные страны смогли реализовать нормативный компонент в отношениях с ЕС для продвижения собственной внешнеполитической повестки, в том числе используя к своей выгоде противоречивость политики самого Евросоюза. С другой стороны, в статье показана потенциальная конфликтность Европейской политики соседства, которая, стирая границы между странами-партнерами и самим ЕС, одновременно создает новые линии разделения, очерчивая пространство за рамками круга дружественных государств. В этом случае наблюдается своеобразный парадокс нормативности, когда самоидентификация Евросоюза вопреки декларируемой универсальности его ценностей носит характер эксклюзивности, основанной

* Айвазян Анна Степановна — научный сотрудник Отдела европейской интеграции Института Европы РАН (e-mail: anna.ayvazyan@gmail.com).

на отрицании возможности вхождения в европейское пространство некоторых стран. Это существенно ослабляет нормативное влияние ЕС, так как ставит под сомнение саму идею его нормативной силы и вместо региональной стабилизации скорее способствует еще большей фрагментации региона.

Ключевые слова: Европейский союз, ЕС, Южный Кавказ, Азербайджан, Армения, Грузия, нормативная сила, европейская интеграция, Европейская политика соседства.

Появление на пространстве общего соседства России и ЕС политических проектов, предлагающих специфическую повестку для стран-партнеров, основанную на их принадлежности к условному «европейскому» или «евразийскому» сообществу, актуализировало дискуссию о внешнеполитическом векторе развития государств, исторически взаимосвязанных с Россией и вместе с тем взаимодействующих с другими игроками, в число которых входит Евросоюз. Один из компонентов этого взаимодействия — диалог о ценностной основе международных отношений. Более того, распространение универсальных ценностей надлежащего управления, демократии, верховенства закона и прав человека является приоритетным направлением сотрудничества в Европейской политике соседства¹. При этом в рамках обсуждения политико-идеологических аспектов Евразийского экономического союза выдвигается тезис о конкуренции консервативных подходов к социальным процессам, лежащих в основе евразийства, и идеологической системы либерализма [Енгоян, 2015]. Таким образом, возрастает актуальность изучения идейного, социального, культурного измерений указанных политических процессов.

В статье рассмотрены взаимоотношения государств Южного Кавказа с ЕС на базе гипотезы о существовании собственной нормативной повестки в каждой из стран. Формализация Европейским союзом определенных ценностей в качестве основополагающих во взаимодействии с партнерами способствовала переносу дискуссии о нормативной основе взаимоотношений на межгосударственный политический уровень. Центральная проблема состоит в изучении актуальности запроса на европейскую политическую модель развития у государств-партнеров, комму-

¹ Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 18.11.2015. JOIN (2015) 50 final // European Commission. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/pdf/key-documents/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf (accessed: 03.07.2018).

никативных сбоев и альтернативной повестки, возникающей в ходе формулирования интересов сторон.

Концепция нормативной силы обозначает влияние Европейского союза в идеологической сфере, его способность формировать представление о норме [Manners, 2002]. Это выражается, с одной стороны, в стремлении Брюсселя к фиксации ценностной составляющей в договорах со странами-партнерами, а с другой — в создании различных формальных и неформальных каналов коммуникации, через которые происходит передача нормативных представлений [Manners, 2013]. Изучение практического воплощения концепции нормативной силы дополняет дискуссию о легитимности международных норм, достигаемых в результате коммуникативного действия [Хабермас, 2006]. Повышение актуальности проблем, решение которых требует международного участия (расхождение в экономическом благосостоянии развитых и развивающихся стран, защита прав человека, проблемы окружающей среды, устойчивого развития и др.), ставит вопрос о формировании «глобального полиса», международного социально-политического пространства. Европейский союз как нормативный актор в силу наднационального характера своих институтов может сыграть важную роль в создании подобного объединения.

Значимость концепции нормативной силы как дискурсивной практики, в рамках которой нормы и их восприятие конструируются социально, подчеркивают и российские, и иностранные авторы. Важным представляется вывод о необходимом условии открытости агента нормативной силы к дискуссии о ценностях, что, в частности, отсутствует в отношениях между Россией и ЕС [Павлова, Романова, 2017]. Исследования нормативной роли Евросоюза в рамках ситуативного анализа также демонстрируют, что Брюссель зачастую действует вопреки сконструированному внутри самого объединения представлению о себе как о силе, стремящейся исключительно к благим преобразованиям [Diez, Rase, 2007]. Это обстоятельство повысило значимость изучения собственного позиционирования ЕС во внешнем пространстве в тесной взаимосвязи с тем, как он воспринимается в странах-соседах. При этом пересмотр Глобальной стратегии ЕС и Европейской политики соседства в сторону большего прагматизма привел к появлению тенденции в западной академической литературе рассматривать Союз с геополитической точки зрения [Tristl, Bachmann, 2015; Biscop, 2016]. Дилемма «ценности или интересы» стала ключевой в понимании сегодняшней ступени развития внешней политики ЕС.

В существующей академической литературе, посвященной тематике сотрудничества государств региона Южного Кавказа с Брюсселем, подробно анализируются результаты секторального взаимодействия, особенности подписанных в этой связи соглашений, интересы каждой из вовлеченных сторон [Emerson, Kovziridze, 2016; Kostanyan, Giragosian, 2017; Tartes, 2015]. Указанные исследовательские рамки позволяют оценить перспективы стран в том или ином внешнеполитическом проекте, будь то «европейский путь» Грузии [Khidasheli, 2011, попытки «держать баланс» Армении [Минасян, 2015] или «осторожный прагматизм» Азербайджана [Mammadov, 2015]. Тем не менее сам ход политической коммуникации между этими государствами и ЕС, в отличие от ее результатов, редко становится объектом внимания.

* * *

Пример Южного Кавказа представляет исследовательский интерес в силу наглядности того, каким образом три страны одного региона, по-разному восприняв повестку взаимодействия с ЕС, пришли к различным форматам сотрудничества, несмотря на изначально схожие стартовые условия. Армения, Грузия и Азербайджан, войдя в 2004 г. в Европейскую политику соседства, к 2018 г. прошли разные этапы внутривосточной дискуссии о приоритете европейского вектора развития, что позволяет проследить, в чем состояли наиболее острые внутривосточные проблемы в странах, способствовавшие тому или иному формату взаимоотношений, а также те вопросы, ответ на которые был дан не в полной мере или не был дан вовсе. Согласно пересмотру Европейской политики соседства в 2015 г. региональная стабилизация объявлена новым приоритетом взаимоотношений ЕС со странами-партнерами². С одной стороны, регион Южного Кавказа важно рассматривать в общей взаимосвязи ввиду наличия как минимум трех территорий с высоким конфликтным потенциалом: Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии. С другой стороны, государства региона все более отдаляются друг от друга в своих внешнеполитических стратегиях, региональные связи теряются и формируются новые линии разлома: в отношении Армении и Азербайджана, Грузии и России [Маркедонов, 2017].

Главная черта взаимодействия ЕС со странами-соседями — размытость границ «европейского» сообщества. В свою очередь это означает как возможное включение «другого» в нормативное

² Ibidem.

европейское пространство, так и его потенциальный выход оттуда в случае неуспеха сотрудничества в силу тех или иных причин.

Брюссель не обладает эксклюзивным нормативным влиянием. Взаимодействие различных субъектов нормативной силы способно существенно изменить нарратив и о самом ЕС. Это обстоятельство открывает перед ним возможность стать полноправным участником нормативных дебатов в рамках того или иного государства, но в то же время делает уязвимым для критики его собственной нормативной роли со стороны стран-партнеров [Павлова, 2017].

Членство в ЕС — основной стимул реформ в странах-кандидатах, который не работает в отношении стран-соседей. В отсутствие перспективы членства готовность государств соответствовать предъявляемым требованиям и стандартам определяется другими факторами, в частности тем, насколько интересы политических сил в стране совпадают или не совпадают с предлагаемой ЕС моделью развития. Вместе с тем аргументы о «нормативной роли» Евросоюза могут быть использованы для укрепления собственной независимой позиции.

В этих условиях страны-партнеры склонны выбирать комплементарный путь, сочетающий интересы всех вовлеченных акторов. Один из таких примеров — Армения. Критичным для страны стал 2013 год, когда переговоры по поводу подписания Соглашения об ассоциации с ЕС были прекращены. 3 сентября 2013 г. президент Армении Серж Саргсян и президент Российской Федерации Владимир Путин в совместном заявлении объявили о начале процесса присоединения Армении к Таможенному союзу с Россией, Казахстаном и Республикой Беларусь, а также о намерении Еревана участвовать в формировании Евразийского экономического союза (ЕАЭС)³. Тем не менее 24 ноября 2017 г. Армения подписала обновленное Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Евросоюзом в соответствие с новыми обязательствами страны в рамках ЕАЭС.

В официальном политическом дискурсе это отразилось заявлениями президента Сержа Саргсяна о том, что Евразийский союз «будет наилучшим образом служить развитию нашей экономики», но «это совершенно не препятствует нашему сотрудничеству с Европейским союзом, в особенности в сфере

³ Армения присоединилась к Евразийскому экономическому союзу // Евразийская экономическая комиссия. 02.01.2015. Доступ: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/02-01-2015-1.aspx> (дата обращения: 03.07.2018).

институциональных реформ и модернизации»⁴. Во время парламентских слушаний в декабре 2017 г. вице-премьер Армении Ваче Габриелян заявил, что Армения — часть европейской цивилизации и евразийского экономического пространства⁵. В предвыборной программе правящей Республиканской партии Армении, традиционно занимающей пророссийскую позицию, во время парламентских выборов 2017 г. высказывалось намерение продолжить отношения с Францией, Германией, Грецией и другими европейскими странами на основе «общей цивилизационной системы ценностей», при этом Россия в ней была указана как стратегический партнер⁶.

Выраженная проевропейская ориентация была характерна для оппозиционного блока «Елк», представители которого выступали за выход из ЕАЭС⁷. Тем не менее после того, как в результате мирных протестов в апреле 2018 г. один из лидеров блока — Никол Пашинян — занял пост премьер-министра, уже во время парламентских слушаний в 2018 г. он объявил о том, что протесты не угрожают стратегическому союзу Еревана и Москвы, Армения останется членом Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности, вместе с тем развивая отношения с США и ЕС⁸. Таким образом, аргумент о принадлежности к Европе был использован для усиления позиции в период внутривластной борьбы и оказался сбалансирован другими мнениями, когда ее сторонник пришел к власти; тенденция к комплементарной внешней политике не изменилась.

Договор о присоединении Армении к Евразийскому экономическому союзу не фиксирует какие-либо ценности в качестве ориентиров сотрудничества, ограничиваясь фразой о дружественных

⁴ Выступление Президента Сержа Саргсяна на Мюнхенской конференции по безопасности // Официальный сайт Президента Республики Армения. 17.02.2018. Доступ: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2018/02/17/President-Serzh-Sargsyans-speech-at-Munich-Security-Conferance/> (дата обращения: 03.07.2018).

⁵ В Армении начали информировать о соглашении с ЕС // ИА REGNUM. 02.12.2017. Доступ: <https://regnum.ru/news/2352544.html> (дата обращения: 03.07.2018).

⁶ Безопасность и прогресс. Предвыборная программа Республиканской партии Армении. Доступ: https://www.lovearmenia.am/le_manager/%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0.pdf (дата обращения: 03.07.2018).

⁷ Слушания в парламенте по проекту «Елк» о выходе из ЕАЭС // Радио Азатютюн. 27.11.2017. Доступ: <https://rus.azatutyun.am/a/28880679.html> (дата обращения: 03.07.2018).

⁸ Протесты в Армении // РБК. 01.05.2018. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/01/05/2018/5ae82a279a79477af0ea9c02> (дата обращения: 03.07.2018).

отношениях народов⁹. Нарратив о принадлежности к Европе как цивилизационной общности оказался совместим с прагматичными интересами обеспечения экономической безопасности и сохранения взаимосвязи с Россией как стратегическим партнером.

На данный момент ЕАЭС не фиксирует формально какую-либо единую идеологическую основу. В этом отношении Москва сохраняет позицию важнейшего партнера в области экономики и безопасности, а Брюссель остается драйвером модернизации, поддерживая структурные реформы в политической, экономической, социальной сферах. Несомненно, Россия также могла бы способствовать развитию политических и экономических институтов в Армении — путем консультативной и финансовой помощи. Так, в рамках проекта евразийской интеграции усилилось межведомственное сотрудничество: в мае 2015 г. состоялся запуск программы технического и финансового содействия Республике Армения. Соглашением предусматривается, что стороны будут развивать взаимодействие в сферах таможенного администрирования, санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер, статистики, промышленности, а также в построении общего информационного пространства и создании интегрированной информационной системы. Для реализации указанных мероприятий в июле 2015 г. оказана прямая финансовая помощь Республике Армения в размере 14,1 млн долл. США¹⁰.

Бюджет аналогичных программ со стороны ЕС существенно больше, они ставят более долгосрочные цели и охватывают больший спектр вопросов. Так, на период 2017–2021 гг. Евросоюз выделил Армении 160 млн евро на реформы в сферах борьбы с коррупцией, государственного управления и правосудия, бизнес-среды, защиты прав человека, а также на обеспечение прозрачной и стабильной избирательной системы [Айвазян, 2018]. Концептуальная основа сотрудничества в этом случае затрагивает политическую и социально-экономическую модели развития, предлагая в качестве ориентира европейские стандарты. Данное обстоятельство мало влияет на текущую ситуацию в стране, статистику экономических контактов или интенсивность

⁹ Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Евразийский экономический союз. Доступ: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/0007297/itia_11102014 (дата обращения: 03.07.2018).

¹⁰ Годовой отчет за 2015 год // Министерство финансов Российской Федерации. Доступ: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/05/main/Prilozhenie_1_TEKSTOVAYA_CHAST.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

дипломатических связей, но способно воздействовать на долгосрочные процессы формирования политической нации, поиск ее идейной основы, что в отдаленной перспективе может сыграть важную роль и во внешней политике Армении.

Один из основных пунктов соглашений Еревана с Брюсселем — мирное урегулирование нагорно-карабахского и других региональных конфликтов, а также установление дипломатических отношений с Турцией. Оба вопроса косвенно взаимосвязаны с проблемой соблюдения прав человека. В частности, речь идет о правах и свободах населения Нагорного Карабаха и признании геноцида армян турецкой стороной. Президент Армении Серж Саргсян, занимавший данный пост с 2008 по 2018 г., неоднократно подчеркивал это в своих выступлениях, связывая оба вопроса с борьбой за права человека, соответствующей в том числе европейским ценностям. Именно эти темы он акцентировал во время четвертого саммита Восточного партнерства в Риге¹¹. В 2015 г. Серж Саргсян поблагодарил Европейскую народную партию за вклад в принятие Европейским парламентом резолюции, осудившей геноцид армян¹².

Следуя той же логике, Нагорный Карабах официальные лица Армении описывают как принадлежащий европейскому пространству. Президент страны в своих выступлениях говорит о стремлении населения Арцаха (Нагорного Карабаха) к построению открытого общества, основанного на правах человека и основополагающих свободах, а также о необходимости справедливых выборов в органы местного самоуправления, исполнительной, законодательной власти¹³. Подчеркивая, что Ереван следует принципам диалога и поиска мирного решения конфликта, представители Армении отмечают агрессивность высказываний азербайджанской стороны и отсутствие возможности мирного

¹¹ Выступление Президента Сержа Саргсяна на встрече лидеров Восточного партнерства Европейской народной партии // Официальный сайт Президента Республики Армения. 21.05.2015. Доступ: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2015/05/21/Statement-of-President-Serzh-Sargsyan-EPP-Latvia/> (дата обращения: 04.04.2018).

¹² Речь Президента РА Сержа Саргсяна на съезде ЕНП // Официальный сайт Президента Республики Армения. 21.10.2015. Доступ: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2015/10/21/President-Serzh-Sargsyan-speech-at-EPP-Congress/> (дата обращения: 04.04.2018).

¹³ Речь Президента Сержа Саргсяна в Центре Карнеги // Официальный сайт Президента Республики Армения. 28.02.2017. Доступ: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2017/02/28/President-Serzh-Sargsyan-remarks-at-the-Carnegie-Center/> (дата обращения: 04.04.2018).

урегулирования вследствие неготовности Баку к переговорам. Молчание ЕС в этой ситуации воспринимается как принятие «вопиющего попрания духа Хельсинки»¹⁴ и подрывает репутацию Брюсселя как посредника, заинтересованного в решении данного конфликта. Несмотря на формальную поддержку принципа территориальной целостности Азербайджана со стороны ЕС¹⁵, именно эти аргументы успешно используются армянской стороной для лоббирования своих интересов в парламентах западных стран. Деятельность Евросоюза и настойчивость в призывах к мирному урегулированию и соблюдению прав человека Ереван обращает против самого ЕС, не способного обеспечить соблюдение всеми странами-партнерами декларируемых ценностей. В этом случае аргумент о принадлежности к Европе применяется Арменией как маркер отличия от агрессивного «другого» и еще более усиливает разделительные линии в пространстве соседства.

В 2018 г. стало очевидно, что отношения с Турцией не могут быть пересмотрены. Вступивший в должность в 2018 г. президент Армен Саркисян аннулировал Цюрихские протоколы о нормализации взаимоотношений между странами, которые были подписаны в 2009 г. Сержем Саргсяном в присутствии представителей РФ, США, Франции и ЕС¹⁶. Брюссель долгое время возлагал надежды на восстановление дипломатических связей между Арменией и Турцией. В 2015 г. этому вопросу было посвящено заседание Европейского парламента, в ходе которого депутаты призвали стороны воспользоваться примером решения конфликтов между европейскими государствами¹⁷. Тем самым ЕС утверждал себя в роли миротворческой и посреднической силы.

¹⁴ Выступление Президента Сержа Саргсяна на Мюнхенской конференции по безопасности // Официальный сайт Президента Республики Армения. 17.02.2018. Доступ: <http://www.president.am/ru/statements-and-messages/item/2018/02/17/President-Serzh-Sargsyans-speech-at-Munich-Security-Conferance/> (дата обращения: 04.04.2018).

¹⁵ Remarks by the High Representative President Federica Mogherini at he Joint Press Conference with the Foreign Minister of Azerbaijan // European External Action Service. 29.02.2016. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5335/remarks-by-the-high-representativevice-president-federica-mogherini-at-the-joint-press-conference-with-the-foreign-minister-of-azerbaijan-elman-mammadjarov_fr (accessed: 03.07.2018).

¹⁶ Protocol on the Establishment of Diplomatic Relations between the Republic of Turkey and the Republic of Armenia // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. Available at: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/zurih-protokolleri-en.pdf (accessed: 03.07.2018).

¹⁷ Armenian genocide centenary: MEPs urge Turkey and Armenia to normalize relations // European Parliament. 15.04.2015. Available at: <http://www.europarl.europa>.

Однако, несмотря на то что весь этот период Турция сохраняла статус кандидата в члены ЕС, Ереван и Анкара не смогли преодолеть свои противоречия. Механизм обусловленности, когда прогресс во взаимоотношениях с ЕС зависит от следования договоренностям, очевидно, не сработал в отсутствие ясных бонусов и перспектив для обеих стран.

* * *

Впрочем, оценка внешних возможностей и рисков не всегда дает полное понимание того, почему страна, не являющаяся крупной мировой державой, следует тому или иному внешнеполитическому курсу. Так, среди грузинских авторов существует точка зрения, что после событий 2008 г. Грузии следовало бы принять приоритет сотрудничества с Россией во внешней политике в силу возросшей угрозы безопасности страны [Kakachia, 2012]. Ухудшение ситуации в этой сфере после 2008 г. было отражено в Национальной стратегии безопасности¹⁸. Тем не менее прозападный вектор усилился. Осознанно дистанцируясь от России, Грузия подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, юридически закрепляющее демократию, уважение прав человека и фундаментальных свобод, верховенство закона как основу политического партнерства и экономической интеграции¹⁹.

Прозападный вектор не изменился и после парламентских выборов 2012 г., когда большинство мест в парламенте перешло к партии «Грузинская мечта — демократическая Грузия», которая сменила «Единое национальное движение», основанное Михаилом Саакашвили. Выбор вектора внешней политики политической элитой страны в академической литературе объясняется в том числе результатами специфического образования лиц, принимающих решения [Jones, 2004], а также изменившейся с приходом М. Саакашвили к власти в 1992 г. логикой отбора и найма на государственную службу дипломатических работников, среди которых стали преобладать молодые люди с принципиально иными мировоззренческими установками [Мосаки, 2016].

eu/news/en/press-room/20150413IPR41671/armenian-genocide-centenary-meps-urge-turkey-and-armenia-to-normalize-relations (accessed: 24.10.2018).

¹⁸ National Security Concept of Georgia // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. Available at: <http://www.mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/NationalSecurityConcept.aspx?lang=en-US> (accessed: 03.07.2018).

¹⁹ Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part // Official Journal of the European Union. 30.08.2014. Available at: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/association_agreement.pdf (accessed: 04.04.2018).

С момента вступления Грузии в европейские структуры ЕС не рассматривался как единственный нормативный актор. Дискуссия о европейской интеграции всегда шла бок о бок с заявлениями о возможном вхождении в евроатлантические структуры безопасности. М. Саакашвили, занимавший пост президента в 2005–2007 и 2008–2013 гг., определял общее пространство западных стран, близких Грузии, как «семью демократических государств, состоящих из наших европейских братьев и наших американских друзей и партнеров»²⁰. Таким образом, речь шла не об эксклюзивно европейском пространстве, а скорее о сообществе западных стран. Это позволяет Тбилиси наряду с европейской интеграцией налаживать контакты и взаимоотношения с США, другими государствами региона — Азербайджаном и Турцией.

Ориентация на сотрудничество с Россией рассматривается в этом ключе как часть травматичного прошлого. Грузинские официальные лица используют отсылку к России как к разделительному маркеру между «европейской семьей» и странами, к ней не принадлежащими. Например, визит президента РФ Владимира Путина в Абхазию 8 августа 2017 г. в официальном заявлении МИД Грузии обозначен как попытка легитимизации изменения границ суверенного государства путем военной агрессии и оккупации²¹. В то же время успех Грузии, продолжающей политику мира и диалога, демократического и экономического развития страны, европейской и евроатлантической интеграции, объясняется в том числе противостоянием России²². В своих выступлениях действующий президент Георгий Маргвелашвили подчеркивает, что Грузия заслуживает членства в ЕС и НАТО, а важнейшей частью этого процесса считает необходимость политики, отвечающей на вызовы грузино-российских отношений. Это в свою очередь должно способствовать достижению мира и стабильности не только в странах-соседях, но и в самой России²³. Таким образом, Грузия

²⁰ Speech delivered by Mikheil Saakashvili at John Hopkins University // Saakashvili Archive. 02.04.2004. Available at: <http://www.saakashviliarchive.info/en/PressOffice/News?p=2779&i=1> (accessed: 03.07.2018).

²¹ Statement by the Ministry of Foreign Affairs of Georgia // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. 08.08.2017. Available at: [http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-\(1\).aspx?CatID=5&lang=en-US](http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-(1).aspx?CatID=5&lang=en-US) (accessed: 04.04.2018).

²² Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Georgia regarding the 9th anniversary of the August 2008 War // Ministry of Foreign Affairs of Georgia. 07.08.2017. Available at: <http://www.mfa.gov.ge/News/sagareo-saqmeta-saministros-ganckhadeba-2008-clis.aspx?CatID=5> (accessed: 04.04.2018).

²³ President Margvelashvili: We believe that Georgia deserves the EU and NATO membership // President of Georgia. 03.10.2018. Available at: <https://president.gov.ge/>

пытается ускорить процесс европейской интеграции, используя аргумент внешней угрозы и апеллируя к ЕС как к независимой инстанции, способной принять меры в отношении актора, не действующего в соответствии с европейскими нормами.

Брюссель всецело поддерживает позицию Тбилиси, в том числе политическими заявлениями. Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини в июне 2018 г. выступила с речью, осудив действия России в Абхазии и Южной Осетии по созданию «новых реалий», присутствие российских военных сил в конфликтных регионах, а также строение физических преград на границе²⁴. В этом случае попытка ЕС реализовать потенциал нормативной силы в регионе исключает Россию как актора, принадлежащего к общему европейскому пространству и разделяющего соответствующие ценности и ориентиры.

Региональное измерение нормативного влияния Евросоюза наиболее проблематично, так как предполагает взаимодействие акторов, в разной степени стремящихся к политическому сближению с ЕС. Тем самым Европейская политика соседства, стирая границы между странами-партнерами и самим ЕС, обозначает их вновь, очерчивая пространство, не вошедшее в дружественный круг государств. В этом случае самоидентификация Евросоюза носит характер эксклюзии, основанной на отрицании возможности вхождения в европейское пространство некоторых стран. Это существенно ослабляет нормативное влияние Брюсселя, так как ставит под сомнение саму идею универсальности ценностей и вместо региональной стабилизации скорее способствует еще большей фрагментации региона.

Вместе с тем представляется, что именно в коммуникации с акторами, отличными от самого ЕС, европейский проект утверждает свою легитимность как сообщество стран, разделяющих общие представления о социальном порядке, политической модели развития, отличные от других. Таким образом, ЕС нуждается в странах соседства, поскольку в диалоге с ними акцентируются его отличительные черты. Отношения Брюсселя и Баку в этом смысле наиболее противоречивы.

en-US/pressamsakhuri/siakhleebi/chven-gvjera,-rom-vimsakhurebt-evrokavshirisa-da-n.aspx (accessed: 12.10.2018).

²⁴ Speech by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the European Parliament Plenary Session on the Conflict in Georgia // European External Action Service. 12.06.2018. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/46383/speech-high-representativevice-president-federica-mogherini-european-parliament-plenary_en (accessed: 03.07.2018).

Азербайджану в диалоге о нормах и ценностях удалось подвергнуть критике множество точек уязвимости ЕС как нормативного актора в регионе. Среди них: непоследовательность политических заявлений и действий различных европейских структур, кризисы интеграции и мультикультурализма в самой Европе, сложности взаимодействия Брюсселя со странами мусульманского мира. Среди прочего со стороны Азербайджана в адрес ЕС прозвучали обвинения в применении политики двойных стандартов, когда на Армению в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе не были наложены санкции, подобные тем, которым подверглась Россия в связи с украинским кризисом²⁵.

Официальный Баку всегда заявлял о поддержке ценностей свободы, верховенства права и демократии как стимулов к модернизации страны. Более того, Азербайджан считает важной свою роль по сближению европейского пространства с мусульманским миром, что в 2017 г. президент Ильхам Алиев на съезде партии «Ени Азербайджан» назвал «почетной миссией Азербайджана»²⁶. Тем не менее согласно заявлению главы государства мусульмане сталкиваются с трудностями интеграции в странах ЕС, о чем свидетельствуют дискриминация и ксенофобия в Европе. В политическом отношении аргументы с критикой Брюсселя используются для сохранения постоянной дистанции в отношениях с Европейским союзом. Это, например, выражается в неисполнении решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), обсуждении возможного выхода страны из состава Совета Европы.

Важность возврата территории Нагорного Карабаха Азербайджану в официальных заявлениях президента республики вписана в контекст угрозы сепаратизма в самом ЕС и необходимости защиты принципа территориальной целостности в международном масштабе²⁷. Таким образом, в отсутствие существенных мотивов к сближению с европейской политической моделью страна-партнер неизбежно подвергает сомнению качество политических процессов в самом ЕС. Аргумент о непринадлежности к Европе, несовершенстве предлагаемой демократической модели развития используется политическим режимом для легитимизации соб-

²⁵ Азербайджан вновь обвиняет Евросоюз в применении двойных стандартов // АрмИнфо. 20.02.2017. Доступ: http://arminfo.info/full_news.php?id=24294 (дата обращения: 04.04.2018).

²⁶ Речь Ильхама Алиева на VI съезде Партии «Ени Азербайджан» // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 08.02.2018. Доступ: <http://ru.president.az/articles/26998> (дата обращения: 04.04.2018).

²⁷ Там же.

ственной позиции внутри страны [Merabishvili, 2015] и отстаивания независимого курса Азербайджана на международной арене.

Тем не менее подобное критичное отношение не препятствует реализации прагматических интересов обеих сторон. В феврале 2017 г. Брюссель и Баку приступили к переговорам по поводу нового рамочного соглашения, призванного придать импульс взаимовыгодному сотрудничеству. Речь идет в первую очередь об энергетическом диалоге, Азербайджан обеспечивает около 5% спроса на газ в ЕС²⁸.

Вместе с тем регулярная критика со стороны европейцев по поводу преследования журналистов и представителей гражданского общества, пресечения политической конкуренции за годы сотрудничества не прекратилась. Согласно заявлению Европейской внешнеполитической службы президентские выборы 2018 г. в Азербайджане прошли в рамках законодательства, существенно ограничивающего основные права и свободы, включая свободу собраний, свободу слова и СМИ²⁹. В апреле 2018 г. независимая следственная группа подтвердила подозрения относительно вмешательства Баку в коррупционный скандал в Парламентской ассамблее Совета Европы. Собранные доказательства указывают на получение взяток членами ПАСЕ в обмен на лояльность к действующим властям Азербайджана³⁰. Более того, наряду с продвижением по переговорам о новом соглашении республика оказалась на грани исключения из Совета Европы из-за отказа исполнить решение ЕСПЧ об освобождении оппозиционера Ильгара Мамедова³¹. Он намеревался баллотироваться на пост президента в ноябре 2013 г. и был арестован в городе Исмаиллы в том же году по обвинению в организации массовых беспорядков. Все обвинения против Мамедова Европейский суд признал политически мотивированными. Эта ситуация — серьезнейший вызов для ЕС, который никогда не

²⁸ Отношения ЕС–Азербайджан в фактах и цифрах // Официальный сайт Европейского союза. Доступ: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_summit_fact-sheet_azerbaijan_ru_print.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

²⁹ Statement by the Spokesperson on the Presidential Elections in the Republic of Azerbaijan // European External Action Service. 12.04.2018. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/42873/Statement%20by%20the%20Spokesperson%20on%20the%20presidential%20elections%20in%20the%20Republic%20of%20Azerbaijan (accessed: 03.07.2018).

³⁰ Report of the Independent Investigation Body on the Allegations of Corruption within the Parliamentary Assembly // Council of Europe. 15.04.2018. Available at: <http://assembly.coe.int/Communication/IBAC/IBAC-GIAC-Report-EN.pdf> (accessed: 03.07.2018).

³¹ Азербайджан может быть исключен из Совета Европы // ИА REGNUM. 26.09.2017. Доступ: <https://regnum.ru/news/2326901.html> (дата обращения: 04.04.2018).

сталкивался с подобным ранее. Невыполнение требования ЕСПЧ нивелирует его роль до обычной международной организации, предписывающей лишь рекомендации к действию.

Приведенный пример вызывает разногласия между различными европейскими структурами. Комиссия ЕС, инициировавшая процесс переговоров по поводу подписания нового соглашения с Азербайджаном, действует разнонаправленно с Советом Европы, который не входит в структуры Евросоюза, но является важнейшей международной организацией, определяющей контекст взаимодействия стран-членов.

Брюссель в случае с Азербайджаном сталкивается с дилеммой нахождения баланса между прагматическими интересами сотрудничества и желанием обеспечить энергетическую безопасность ЕС, с одной стороны, и необходимостью сохранения образа нормативного актора — с другой. Отказаться полностью от повестки о развитии демократии, соблюдении прав человека, защите фундаментальных прав и свобод ЕС не может, так как эти ценности институционализированы в его учредительных документах и соглашениях с соседствующими странами. При этом навязывание своих установок критично настроенному партнеру малоэффективно. Пространство для маневра у Брюсселя достаточно ограничено: в случае несоблюдения договоренностей страна-партнер несет лишь репутационные риски. Вместе с тем экономическое и энергетическое сотрудничество могло бы осуществляться в привязке к условию соблюдения демократических норм, чего изначально фактически не произошло.

* * *

Таким образом, в статье рассмотрены проблемные аспекты использования ценностной повестки в формировании политики ЕС в странах-соседах региона Южного Кавказа, с одной стороны, и то, каким образом эта повестка инструментализируется самими партнерами для лоббирования своих интересов на межгосударственном уровне. Очевидно, что это нелинейный процесс, который существенно зависит от внутривнутриполитической ситуации в каждом из государств. Во всех рассмотренных случаях ЕС не является единственным нормативным актором, а взаимодействие с ним рассматривается в привязке к актуальной для стран политической повестке.

Среди вопросов, выдвинутых Арменией, Грузией и Азербайджаном для обсуждения в Совете Европы, Европейском парламенте и других наднациональных структурах ЕС, оказались межгосударственные взаимоотношения, так или иначе рассматривае-

мые с позиций международного права, демократии и уважения фундаментальных прав и свобод. Тем самым страны-партнеры, воспользовавшись политической повесткой Евросоюза, укрепили доминирующий в каждой из них внешнеполитический нарратив. В некоторых случаях это привело к еще большему расхождению позиций сторон, как, например, в вопросе армяно-азербайджанских или российско-грузинских отношений.

В этой связи среди рисков использования нормативной повестки во внешнеполитических целях важно отметить то обстоятельство, что аргумент о принадлежности к Европе и принятии европейских ценностей применяется как маркер отличия во внутривнутриполитической конкуренции или внешнеполитической борьбе. Тем самым разделительные линии между политическими силами или конфликтующими сторонами углубляются, будучи подкреплены идеологическим компонентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян А.С. Политика ЕС в странах Южного Кавказа: пересмотр политики соседства // Современная Европа. 2016. № 4. С. 47–57.

2. Айвазян А.С. Страны Южного Кавказа, июнь–август 2018 г. // Европейский союз: факты и комментарии. Вып. 93: июнь–август 2018 г. / Под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной, В.В. Журкина, О.Ю. Потемкиной. М.: Институт Европы РАН, 2018. С. 94–97. Доступ: http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/93.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

3. Айвазян А.С., Петрова И.Е. Нормативная роль ЕС в Армении: факторы восприятия // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 91–102.

4. Болгова И.В. Восточное партнерство: Европейский союз в поисках новой внешнеполитической идентичности // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потемкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М: Весь Мир, 2012.

5. Енгоян А.П. Политико-идеологические и цивилизационные аспекты формирования Евразийского союза // Евразийская перспектива Армении: региональные и глобальные вызовы. Ереван: Издательство ЕГУ, 2015. С. 40–47.

6. Игумнова Л.О. Образ нормативной силы Евросоюза в заявлениях Европейской внешнеполитической службы // Современная Европа. 2017. № 6. С. 81–93.

7. Маркедонов С. Постсоветское пространство: прощание с дефиницией? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НП РСМД, 2017. С. 374–382.

8. Минасян С. Армения держит баланс // ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 377. Август 2015. Доступ: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peprn_377_rus_Minasyan_Aug2015.pdf (дата обращения: 24.10.2018).

9. Мосаки Н. Особенности дипломатической элиты Грузии // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2. С. 141–162.

10. Павлова Е.Б. Механизм нормативной силы (образ «другого» и партия «Подemos») // Полития. 2017. № 1 (84). С. 144–158.

11. Павлова Е.Б., Романова Т.А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 1. С. 162–176.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006.
13. Biscop S. Geopolitics with European characteristics: An essay on pragmatic idealism, equality, and strategy. EgmontPaper. № 82. Brussels: The Royal Institute for International Relations, 2016.
14. Delcour L., Wolczuk K. The EU's unexpected 'ideal neighbour'? The perplexing case of Armenia's Europeanisation // *Journal of European Integration*. 2015. No. 37(4). P. 491–507.
15. Delcour L., Wolczuk K. Well-meaning but ineffective? Perceptions of the EU's role as a security actor in the South Caucasus // *European Foreign Affairs Review*. 2018. No. 23. P. 41–60.
16. Diez T., Pace M. Normative power Europe and conflict transformation. Paper for Presentation at the 2007 EUSA Conference. Montreal, 17–19 May 2007.
17. Emerson M., Kovziridze T. Deepening EU-Georgia relations: What, why, and how? Centre for European Policy Studies. London: Rowman & Littlefield International, 2016.
18. Jones St. The role of cultural paradigms in Georgian foreign policy // *Ideology and national identity in post-communist foreign policies* / Ed. by F. Rick. London: Frank Cass, 2004. P. 83–110.
19. Kakachia K. Georgia's identity-driven foreign policy and the struggle for its European destiny // *Caucasia Analytical Digest*. 2012. No. 37. P. 4–7.
20. Khidasheli T. Georgia's European way // *International Politics and Society*. 2011. No. 3. P. 95–108. Available at: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/2011-3/09_khidasheli.pdf (accessed: 07.05.2018).
21. Kleinschnitger, K., Knodt M. Asymmetric perceptions of EU relations with the near Eastern neighbours: The Republic of Moldova, Ukraine, and Belarus in comparison // *European Foreign Affairs Review*. 2018. No. 23. P. 79–100.
22. Kostanyan H., Giragosian R. EU-Armenian relations: Charting a fresh course // *CEPS Research Report*. 2017. No. 14.
23. Larsen H. The EU as a normative power and the research on external perceptions: The missing link // *Journal of Common Market Studies*. 2014. Vol. 52. No. 4. P. 896–910.
24. Mammadov F. Azerbaijan's foreign policy — A new paradigm of careful pragmatism // *The South Caucasus between integration and fragmentation*. European Policy Center. 2015. Available at: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_5598_article_-_farhad_mammadov.pdf (accessed: 07.05.2018).
25. Manners I. Assessing the decennial, reassessing the global: Understanding European Union normative power in global politics // *Cooperation and Conflict*. 2013. Vol. 48. No. 2. P. 304–329.
26. Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. No. 2. P. 235–258.
27. Merabishvili G. The EU and Azerbaijan: Game on for a more normative policy? // *CEPS Policy Brief*. 2015. No. 329.
28. Pace M. The construction of the EU normative power // *Journal of Common Market Studies*. 2007. Vol. 45. Iss. 5. P. 1041–1064.
29. Petrova I., Ayvazyan A. Perceptions of the EU's power in the Eastern Partnership Region: The case of Armenia // *European Foreign Affairs Review*. 2018. No. 23. P. 61–78.
30. Romanova T.A. Russian challenge to the EU's normative power: Change and continuity // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No. 3. P. 371–390.

31. Tartes A. The limited influence of the European Union in Armenia and Azerbaijan: A domestic explanation. EU Diplomacy Paper. Bruges: College of Europe, 2015.

32. Trisl C., Bachmann V. European self-perceptions: The EU's geopolitical identity and role in official documents and speeches // Perceptions of the EU in Eastern Europe and Sub-Saharan Africa / Ed. by V. Bachmann, M. M Iler. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 77–104.

33. Zielonka J. The EU as an international actor: Unique or ordinary? // European Foreign Affairs Review. 2011. No. 16. P. 281–301.

A.S. Ayvazyan

**DISCOURSE OF EUROPE
IN POLITICAL DIALOGUE BETWEEN THE EU
AND THE SOUTH CAUCASUS COUNTRIES**

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3 Mokhovaya street, Moscow, 125009*

The concept of 'normative power' implies that values should take precedence over narrow political interests and designates the ability of international actors to establish global norms and to encourage other actors to prioritize these values in foreign and domestic policies. The European Union had been traditionally considered one of the main proponents of this concept but the revision of the European Neighborhood Policy in 2015 has changed the cooperation agenda between the EU and Partner Countries by strengthening its pragmatic component. In that regard the case of the South Caucasus is of special interest as it demonstrates how three countries of the region addressed the EU agenda for cooperation and devised different formats of cooperation, despite similar initial conditions. The paper compares narratives of affiliation with Europe in official discourses in Armenia, Georgia and Azerbaijan. On the one hand, this approach allows the author to demonstrate how these countries use the normative component of their cooperation with the EU to advance their own foreign policy agenda through, inter alia, unveiling inconsistencies in the EU's own policy. On the other hand, the author emphasizes the conflict potential inherent to the European Neighborhood Policy which seeks to erase borders between the EU and partner countries, while simultaneously creating new dividing lines and clearly delineating a circle of friendly states. Here arises a normative paradox, since the EU's self-identification, contrary to declared universalism of its values, leads to an exclusion and deprives the certain countries' of the right to be considered 'European'. This paradox limits severely normative influence of the European Union as it challenges the very idea of the EU normative power and brings about an increasing fragmentation rather than a stabilization of the region.

Keywords: the European Union, EU, South Caucasus, Azerbaijan, Armenia, Georgia, normative power, European integration, European Neighborhood Policy.

About the author: *Anna S. Ayvazyan* — Research Fellow at the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (e-mail: anna.ayvazyan@gmail.com).

REFERENCES

1. Ayvazyan A.S. 2016. Politika ES v stranakh Yuzhnogo Kavkaza: peresmotr politiki sosedstva [The EU policy in the South Caucasus and the Neighborhood policy revision]. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 47–57. (In Russ.)
2. Ayvazyan A.S. 2018. Strany Yuzhnogo Kavkaza, iyun’–avgust 2018 g. [Countries of South Caucasus, June–August 2018]. In Borko Yu.A., Butorina O.V., Zhurkin V.V., Potemkina O.Yu. (eds.). *Evropeiskii soyuz: fakty i kommentarii*. Vyp. 93. [European Union: Facts and comments. Iss. 93]. Moscow, Institute of Europe RAS Publ., pp. 94–97. Available at: http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/93.pdf (accessed: 24.10.2018). (In Russ.)
3. Ayvazyan A.S., Petrova I.E. 2018. Normativnaya rol’ ES v Armenii: faktory vospriyatya [Normative role of the EU in Armenia: Factors of perception]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 4, pp. 91–102. (In Russ.)
4. Bolgova I.V. 2012. Vostochnoe partnerstvo: Evropeiskii soyuz v poiskakh novoi vnesh-nepoliticheskoi identichnosti [The Eastern Partnership: The European Union in search of a new foreign policy identity]. In Potemkina O.Y., Kaveshnikov N.Y., Kondratieva N.B. (eds.). *Evropeiskii soyuz v XXI veke: vremya ispytaniy* [European Union in XXI century: Time of trials]. Moscow, Ves’ mir Publ., pp. 380–397. (In Russ.)
5. Engoyan A.P. 2015. Politiko-ideologicheskie i tsivilizatsionnye aspekty formirovaniya Evraziiskogo soyuza [Politico-ideological and civilizational aspects of the formation of the Eurasian Union]. *Evraziiskaya perspektiva Armenii: regional’nye i global’nye vyzovy*. Yerevan, YSU Press Publ., pp. 40–47. (In Russ.)
6. Igumnova L.O. 2017. Obraz normativnoi sily Evrosoyuza v zayavleniyakh Evropeiskoi vneshnepoliticheskoi sluzhby [Normative power of the EU in Communications of the European External Action Service]. *Contemporary Europe*, no. 6, pp. 81–93. (In Russ.)
7. Markedonov S.M. 2017. Postsovetskoe prostranstvo: proshchanie s definitsiei? [Post-Soviet space: Farewell to the definition]. In Timofeev I.N. (ed.). *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Evolution of the post-Soviet space: Past, present, and future]. Moscow, NP RSMD Publ. (In Russ.)
8. Minasyan S. 2015. Armeniya derzhit balans [Armenia keeps balance]. *PONARS Eurasia*. Analytical note No. 377. Available at: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Peppm_377_rus_Minasyan_Aug2015.pdf (accessed: 24.10.2018). (In Russ.)
9. Mosaki N. 2016. Osobennosti diplomaticheskoi elity Gruzii [Georgia’s diplomatic elites]. *International Trends*, vol. 14, no. 2, pp. 141–162. (In Russ.)
10. Pavlova E.B. 2017. Mekhanizm normativnoi sily (obraz ‘drugogo’ i partiya ‘Podemos’) [Mechanism of normative power (Image of ‘the other’ and party ‘Podemos’)]. *Politiya*, no. 1 (84), pp. 144–158. (In Russ.)
11. Pavlova E.B., Romanova T.A. 2017. Normativnaya sila: teoriya i sovremennaya praktika Rossii i ES [Normative power: Some theory aspects and contemporary practice of Russia and the EU]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 162–176. (In Russ.)
12. Habermas J. 1990. *Moral consciousness and communicative action*. Cambridge, Polity [Russ. ed.: Khabermas J. 2006. *Moral’noe soznanie i kommunikativnoe deistvie*. Moscow, Nauka Publ.].
13. Biscop S. 2016. Geopolitics with European characteristics: An essay on pragmatic idealism, equality, and strategy. *EgmontPaper*, no. 82. Brussels, The Royal Institute for International Relations.

14. Delcour L., Wolczuk K. 2015. The EU's unexpected 'ideal neighbour'? The perplexing case of Armenia's Europeanisation. *Journal of European Integration*, no. 37 (4), pp. 491–507.
15. Delcour L., Wolczuk K. 2018. Well-meaning but ineffective? Perceptions of the EU's role as a security actor in the South Caucasus. *European Foreign Affairs Review*, no. 23, pp. 41–60.
16. Diez T., Pace M. 2007. *Normative power Europe and conflict transformation*. Paper for Presentation at the 2007 EUSA Conference. Montreal, 17–19 May 2007.
17. Emerson M., Kovziridze T. 2016. *Deepening EU-Georgia relations: What, why, and how?* Centre for European Policy Studies. London, Rowman & Littlefield International.
18. Jones St. 2004. The role of cultural paradigms in Georgian foreign policy. In Rick F. (ed.). *Ideology and national identity in post-communist foreign policies*. London, Frank Cass.
19. Kakachia K. 2012. Georgia's identity-driven foreign policy and the struggle for its European destiny. *Caucasus Analytical Digest*, no. 37, pp. 4–7.
20. Khidasheli T. 2011. Georgia's European way. *International Politics and Society*, no. 3, pp. 95–108. Available at: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/2011-3/09_khidasheli.pdf (accessed: 07.05.2018).
21. Kleinschmitzer, K., Knodt M. 2018. Asymmetric perceptions of EU relations with the near Eastern Neighbours: The Republic of Moldova, Ukraine, and Belarus in comparison. *European Foreign Affairs Review*, no. 23, pp. 79–100.
22. Kostanyan H., Giragosian R. 2017. EU-Armenian relations: Charting a fresh course. *CEPS Research Report*, no. 14.
23. Larsen H. 2014. The EU as a normative power and the research on external perceptions: The missing link. *Journal of Common Market Studies*, vol. 52, no. 4, pp. 896–910.
24. Mammadov F. 2015. Azerbaijan's foreign policy — A new paradigm of careful pragmatism. *The South Caucasus between integration and fragmentation*. European Policy Center. Available at: http://www.epc.eu/documents/uploads/pub_5598_article_-_farhad_mammadov.pdf (accessed: 07.05.2018).
25. Manners I. 2013. Assessing the decennial, reassessing the global: Understanding European Union normative power in global politics. *Cooperation and Conflict*, vol. 48, no. 2, pp. 304–329.
26. Manners I. 2002. Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, no. 2, pp. 235–258.
27. Merabishvili G. 2015. The EU and Azerbaijan: Game on for a more normative policy? *CEPS Policy Brief*, no. 329.
28. Pace M. 2007. The construction of the EU normative power. *Journal of Common Market Studies*, vol. 45, iss. 5, pp. 1041–1064.
29. Petrova I., Ayvazyan A. 2018. Perceptions of the EU's power in the Eastern Partnership Region: The case of Armenia. *European Foreign Affairs Review*, no. 23, pp. 61–78.
30. Romanova T.A. 2016. Russian challenge to the EU's normative power: Change and continuity. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 3, pp. 371–390.
31. Tartes A. 2015. *The limited influence of the European Union in Armenia and Azerbaijan: A domestic explanation*. EU Diplomacy Paper. Bruges, College of Europe.
32. Tristl C., Bachmann V. 2015. *European self-perceptions: The EU's geopolitical identity and role in official documents and speeches*. London, Palgrave Macmillan.
33. Zielonka J. 2011. The EU as an international actor: Unique or ordinary? *European Foreign Affairs Review*, no. 16, pp. 281–301.